

Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации

Чанышева З.З.,

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, факультета романо-германской филологии, Башкирского государственного университета ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия, chanyшевz@yandex.ru

В статье обсуждается преломление категории «свои»/«чужие» в средствах массовой коммуникации в условиях обострения идеологического противостояния сторон. Поставлена цель выявить потенциал знаков лингвокультуры в функции единиц смыслопорождения на материале ведущих англоязычных периодических изданий. Выделяются ипостаси «чужой» культуры, среди которых ведущая роль принадлежит ксенокультурному ценностно-смысловому пространству. Показано, как в межкультурном формате медийного общения происходит взаимовлияние смысловых пространств своей и чужой культур и субъективизация передаваемой информации. На примере ксенопрецедентных явлений установлены механизмы смысловых преобразований национально-культурных знаков в процессе их использования с целью оказания манипулятивного воздействия на целевую аудиторию.

Ключевые слова: категория «свои»/«чужие», знаки лингвокультуры, национально-культурные знаки, ксенопрецедентные явления, ценностно-смысловое пространство, смысловые преобразования.

Для цитаты:

Чанышева З.З. Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Chanyшева.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030309

For citation:

Chanyшева Z.Z. Hypostases of THEM category in mass media communication [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Chanyшева.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030309

В современной англоязычной медийной коммуникации едва ли не главное место отводится идеологическому противостоянию конфликтующих сторон, в котором на первый план выходит категория «чужие», выдвигая на повестку дня проблему использования для их обозначения широкого репертуара номинативных ресурсов языка и средств невербалики в качестве основных инструментов политической риторики. В статье ставится задача установления роли знаков лингвокультуры как наиболее эффективных средств смыслопорождения в силу того, что (1) они погружены в ценностно-смысловое пространство языка и культуры, (2) обладают достаточно подвижными границами актуализируемых смыслов, (3) могут легко превращаться в инструменты манипулирования массовым сознанием, поскольку позволяют внедряться в ксенокультурное смысловое пространство с целью преднамеренных содержательных преобразований их смысловой нагрузки, вплоть до полного искажения, в процессе межкультурной коммуникации.

Оппозиция «свой»/«чужой», являющаяся, по справедливому замечанию Ю.С. Степанова, «одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [8, с. 473], не может не пронизывать политическую культуру, принимая самые разнообразные формы. Крупнейший российский исследователь этноса Л.Н. Гумилёв, развивая культурологический подход в отечественной этнологии, подчеркнул именно этнический стереотип поведения, а не национальный язык в качестве ведущего признака, отличающего «своих» от «чужих» [4]. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в последующие годы в трудах по этнологии и этнографии (Ю.В. Бромлей, И.С. Кон, Б.Ф. Поршнев) акцент переносится на идеальную составляющую этноса, а именно на его самосознание, поскольку люди определённой группы, в первую очередь, осознают себя как принадлежащих к «своим» и отличных от «чужих». Не умаляя значимости утверждений о первостепенности идеальных признаков по сравнению с материальными, включающими общность территории, языка, экономической жизни для идентификации этнических групп, обратимся к принципиальным выводам, которые были сформулированы на этой основе. В своей последней книге Л.Н. Гумилёв делает программное заявление о том, что «...основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в **эмоциях**: симпатиях-антипатиях, любви-ненависти...» [4, с. 173] (выделено мною – З.З.Ч.).

В современных исследованиях показано важнейшее качество категории «свои»/«чужие», которая получает особое преломление в классической эмоциональной шкале ценностей, принимая достаточно субъективный характер квалификации в терминах «хорошее»/«плохое». Как точно отметила достаточно предсказуемый выбор эмоциональной оценки Т.Н. Толстая, «чужой он и есть чужой. Что в нем хорошего? ... А свой — он теплый. У него и глаза другие. Свой — он немножко как ты сам» [11]. Многие ведущие исследователи единодушны в признании субъективной природы оценочного основания в отношении чужого, которое скорее вызывает негативные, нежели позитивные коннотации.

Не менее весомый аргумент в пользу данной точки зрения, связанный со стереотипизацией эмоций в поведении представителей разных культур, подчёркивает В.В. Красных, ссылаясь на исследования социальных психологов. Было экспериментально доказано, что в поведении восточных европейцев принято сдерживать среди «своих» негативные эмоции и стремиться проявлять по отношению к ним позитивные эмоции. Что же касается экспрессивного поведения в отношении «чужих», здесь вполне допустимо и уместно проявление эмоций негативных [6]. Российский этнопсихолог Т.Г. Стефаненко объясняет подобные культурные поведенческие различия в среде «своих» и «чужих» внутренними установками, проявляющимися в желании не обижать своих и в отсутствии заботы о чужих, характерными для коллективистских культур [9]. В отличие от этого типа культур американцы, принадлежащие к индивидуалистскому типу культур, склонны проявлять с чужими радость жизни и оптимизм, а в общении со своими близкими могут позволить себе демонстрацию отвращения, страха, гнева и др.

Категория «чужих» не раз становилась предметом исследования в трудах по философии, семиотике, культурологии, этнологии, межкультурной коммуникации, высвечивая каждый раз новые ипостаси, связанные с определением границ человеческого «я» в его соотношении с «другим», принимающим разные формы иного – от «другого», «чужого» до враждебного, представляющего «чужое» как внешнего врага, олицетворение угрозы и Хаоса [5], появлением представлений о странных структурах – «дипластиях» (термин Б.Ф. Поршнева). Положительным и перспективным итогом подобных рассуждений для лингвистики явилось понимание важности диалогических отношений как определённого типа «смысловой

конвергенции» (т.е. общности тем, точек зрения и т.д.), когда раскрывается позиция *третьего* в диалоге (не участвующего в диалоге, но его *понимающего*) [2, с. 320-323].

Ряд принципиальных характеристик оппозиции «свои» / «чужие» выдвигает Л.И. Гришаева, которые проливают свет на её культурологическую значимость [3]. Во-первых, следует подчеркнуть взаимосвязанный и одновременно релятивистский характер членов данной оппозиции: СВОЁ познаётся только на фоне ЧУЖОГО и ДРУГОГО. Во-вторых, всё более усиливается ценность категорий в формировании и развитии личности и культуры в целом. Наконец, как в любом целостном коллективе его представители вырабатывают системы вербальных и невербальных средств-маркеров, идентифицирующих СВОЁ, ЧУЖОЕ и ДРУГОЕ. Для понимания образов «чужих» в современной политической коммуникации трудно переоценить мысль авторов о наличии субъективности в идентификации чужих и их характеристики. Причина возникновения субъективных толкований в данном случае, по мнению авторов, кроется в том, что восприятие и оценка «чужого» происходят под влиянием многих факторов: (1) конкретного коммуникативного акта, в котором действует «чужой», что вызывает положительное или отрицательное отношение к нему; (2) изначально присущего реципиенту информации определённого отношения к определённой «чужой» культуре или к «чужому» вообще; (3) реципиент в любой коммуникации имеет дело не с фактами, а с их интерпретациями [3, с. 118].

На наш взгляд, перечисленные факторы не составляют закрытого списка и постоянно пополняются за счёт новых более жёстких проявлений субъективности в условиях противостояния. В современной коммуникации в англоязычных СМИ укрепляются тенденции, усиливающие произвольность и изобретательность при конструировании образов врагов, когда на страницах печати развернулась крупномасштабная информационная война (война слов). В этой связи нельзя не согласиться с мнением Ю.А. Сорокина, который, сравнивая статус факта (события) и его оценки в текстах массовой коммуникации, уподобляет структуру оценки «виртуальной реальности», изобилующей неоднозначностью, включением множества новых признаков, элементами деформации, предлагающей выборочный характер описываемого факта, антилаконичность и расплывчатость [7, с. 238-239].

В рамках межкультурной коммуникации в фокусе внимания оказываются идеологические аспекты категории «чужие», в которой изначально заложена идея столкновения и конфликта, что подводит к пониманию родной культуры как «щита», охраняющего национальное своеобразие народа, и «глухого забора», отгораживающего от других народов и культур [10, с. 20]. В контексте противостояния сторон, находящихся по разные стороны баррикад, актуальность приобретает проблема войны и мира в диалоге языков и культур, народов и цивилизаций.

Бросается в глаза произвольное и неоправданное навешивание ярлыков и создание агрессивных образов чужих по принципу «Кто не с нами – тот против нас», некогда использовавшемуся в качестве лозунга в классовой борьбе, а ныне приобретающему политическую коннотацию предостережения и открытой угрозы в адрес «чужих». Подобная практика особенно ярко проявляется сегодня в англоязычных СМИ, где идеологическая оценка оказывается весомее и важнее нравственно-оценочной. Практически любой ситуативно актуальный идеологический повод может быть использован в качестве инструмента для отнесения к «чужим» оппонентов, не отвечающих субъективно обновляемым критериям «своих». В политическом языке украинских экстремистов популярной на Евромайдане стала речёвка «Кто не скачет – тот москаль», растиражированная в песнях, карикатуре, видео, анекдотах, стихах, пародиях. Кстати, в продолжении этой фразы «...а кто скачет, тот зигхайл»

содержится заимствованный вариант немецкой фразы Sieg Heil (салют победы у фашистских нацистов), который выбран в качестве нового критерия объединения «своих» на основе гитлеровской идеологии военной агрессии, геноцида и расизма.

В процессе восприятия идеологических коннотаций важно учитывать динамический характер речевой нормы, поскольку характер проявления негативных эмоций в отношении «чужих» зависит от внешних факторов, которые в значительной степени диктуют соответствующий формат общения, от толерантного до резко антагонистического. Политическое общение происходит в сфере публичной коммуникации, участники которой озабочены отстаиванием государственных интересов, реализацией институциональных установок, внушением в массовое сознание необходимых идеологических императивов. В контексте информационной войны в СМИ формируется конфликтогенный дискурс, изобилующий описанием разных видов противоборства – политического, ценностного, идеологического, цивилизационного [12]. Следовательно, необходимо принимать во внимание комплекс параметров, выходящих за пределы социо-культурных и ситуативно-контекстуальных условий коммуникации, которые радикально меняют тональность политической коммуникации, подчиня характер общения агрессивным целеустремлениям.

В настоящее время акцент в медийной коммуникации переносится на совершенствование технологий использования оценочно-идеологической природы категории «чужие». Дискурсивные глобальные и локальные стратегии по отношению к рассматриваемой категории исследует в политическом дискурсе Т.ван Дейк на примере *ingroups / outgroups* [15].

В границах данной категории можно отметить возросшую актуальность критериев отнесения к «чужим», которые формируются под влиянием ксенофобии и как следствие имеют явно или неявно выраженный эмоционально-аксиологический характер: «чужой» – это идеологический враг, представляющий высокую степень угрозы; это политический враг, с которым исключается перспектива сотрудничества и партнёрства; это культурно-исторический враг, в отношениях с которым возрастает дистанция отчуждения в результате субъективной ревизии исторических событий. Главным свойством внешнего врага является принадлежность к ксено-культуре, то есть чужой культуре, что делает возможным использовать в качестве инструмента манипуляции ксено-объекты, ксено-события, ксено-персоналии, ксено-ситуации. Авторская установка сказывается прежде всего в насыщении текста эмоционально-оценочными коннотативами в результате использовании механизма языкового варьирования номинаций при описании одной и той же внеязыковой ситуации (участников, места и времени, обстоятельств, мотивации и других прагматических факторов) и интерпретации события в ксенокультурах. События последних лет в Украине и их предвзятое тенденциозное освещение западной прессой дают образцы субъективного толкования элементов политических ксенокультур с момента возникновения конфликта и последовавшего противостояния в связи с воссоединением Крыма с Россией. С самого начала оценка действий России в этом регионе получает в большинстве англоязычных изданий резко отрицательную тональность, создаваемую в результате смыслового отфильтровывания информации и отбора эффективных приёмов и способов её суггестивно-манипулятивной подачи: **насыщения** информации несущественными деталями, искажающими суть и преобразующими её в нечто противоположное; **вычёркивания** отдельных эпизодов, замалчивания фактов, снятия компрометирующих деталей; создания **информационного вакуума**, что в итоге позволяет внедрять в сознание массового читателя откровенно ложную информацию.

Использование слухов, непроверенной информации и агрессивной лжи, направленной против врага, становится мощным инструментом речевого воздействия на массовое сознание в ходе информационной войны [13].

Наши наблюдения свидетельствуют о мощном потенциале знаков лингвокультуры, появление которых способно насыщать текст произвольно создаваемыми авторскими смыслами. Речь идёт в первую очередь о таких лингвокультурных знаках, которые позволяют в межкультурной политической коммуникации интерпретировать их смысловую нагрузку по усмотрению автора. Это свойство обнаруживает себя наиболее явно в тех знаках, которые связаны с миром реального и с миром идеального, главным образом идеологического и аксиологического. Как справедливо подчёркивает В.И. Шаховский, «каждая культура имеет свои размеры, свой шейп и свой взгляд на ценности» [14, с. 289].

На самом деле в политической риторике англоязычных СМИ, освещающих события в России, широко представлены разные типы лингвокультурных знаков, которые разделяют общее свойство: они ведут нас «в *непредметный* мир смысловых отношений» <...>, открывают для себя смыслы, «живущие в бессознательных глубинах души и объединяющие людей в единое этнокультурное сообщество» [1, с.189]. В данном случае интересно обратить внимание на выбор знаков «чужой» лингвокультуры, которые приоткрывают окно в «чужое» ценностно-смысловое пространство. Лингвокультурный знак превращается в место пересечения разных ипостасей «чужого»: (1) чужое относится к реалиям (объектам, персоналиям, событиям) чужой (российской) культуры, являющейся предметом описания; (2) чужое относится к определённой инварианту восприятия культурного объекта и его отражения в мире идеального, которые заключают ценностную оценку в коллективном опыте использования в ксенокультуре порождения; (3) чужое относится к ценностно-смысловому пространству ксенокультуры, приобщиться ко всем нюансам которого можно только родившись в данной культуре и пройдя аккультурацию в ней. Как следует из природы проявлений чужого, в каждом из них присутствует потенциальная возможность субъективных толкований, что имеет результатом произвольные интерпретации, вплоть до целенаправленных искажений данных. По нашим наблюдениям, репрезентанты чужого широко используются в англоязычных медийных источниках, что позволяет превращать их в действенные инструменты манипулирования массовым сознанием. Массовый инокультурный читатель таким образом сталкивается с чужим в разном обличье, имея о нём, как правило, весьма туманное представление, что предоставляет автору мощное орудие производства непредсказуемых смыслов, прибегая к субъективизации всех видов информации (от фактуальной и оценочно-эмоциональной до дискурсивно-смысловой), вплоть до полного искажения и откровенной лжи.

Рассмотрим потенциал национально-культурных прецедентных явлений, которые выполняют роль опорных элементов в процессе создания смыслового пространства дискурса, предназначенного для массового адресата англоязычных СМИ. Категория «чужое» реализуется в разных ипостасях ксено-прецедентных явлений при их функционировании в медийной коммуникации.

Пример 1. *These curious troops ("little polite green men") were designed to fulfill two contradictory things at once – to be anonymous and yet recognized by all, to be polite and yet frightening, to be identified as the Russian Army and yet, be different from the Russian Army. They were designed to be a pure, naked military force – a force without a state, without a face, without identity, without a clearly articulated goal* [16]. Авторы пытаются истолковать по-своему содержание ставшего популярным выражения, связывая присутствие «вежливых маленьких

зелёных человечков» на территории Крыма с разработкой новых технологий оккупации чужой территории, как принято представлять в западной прессе события, связанные с бескровным воссоединением полуострова с Россией. Описание в приведённом фрагменте построено на контрасте: образ маленьких зелёных человечков вызывает устойчивые ассоциации в сознании американцев (это название первого эпизода из сериала «Секретные материалы» (премьера на телеканале FOX в 1994 г.), но в контексте событий в Крыму они действуют анонимно, эти человечки вежливы, однако вызывают страх и ужас, их опознают как солдат Российской армии, но в то же время не принадлежащих армии России. Такое странное нагромождение противоречий преследует цель создать сумятицу в сознании массового читателя и сбить его с толку.

Пример 2. *According to Kiev-based private TV channel One Plus One, the term "little green men" was coined by local residents in Crimea, but Ukrainian journalists have criticised the use of this term. "Colleagues, stop using the affectionate term 'little green men' to describe the Russian troops"* [17].

Упомянутое выражение получило в освещении крымских событий в российской прессе уменьшительно-ласкательную оценку, в то время как положительная коннотация заменена на отрицательную в статье, опубликованной в BBC.News под названием "Little green men" or "Russian invaders"?

Пример 3. *Then there was Russia's humanitarian aid convoy of 260 trucks, which was widely decried in the west as a Trojan horse, "almost certainly" carrying arms and men deep into Ukraine. In fact, it proved to be less a Trojan than a Potemkin horse, half-empty inside and designed to impress – and perhaps to divert attention from the real military subterfuge going on elsewhere* [18].

Содержательное поле в приведённом отрывке создаётся в результате сложного взаимодействия ксеносмыслов, актуализируемых сложением культурных метафорических ассоциаций, рождаемых прецедентами: универсальным (*Троянский конь*) и этнокультурным русским (*Потёмкинские деревни*), преобразованными в сложное прецедентное явление (*Потёмкинский конь*), используемое для описания российского гуманитарного конвоя, якобы используемого для переброски военных и оружия в районы, где воюют ополченцы против Киева. Соединение смыслов двух прецедентных явлений позволяет автору расширить границы смысловой интерпретации, представив полупустые грузовики в составе гуманитарного конвоя как искусную уловку для прикрытия военных операций в другом месте.

Пример 4. *...hundreds of Russians have camped out at Chistye Prudy, nicknamed Occupy Abay after the statue of a 19th-century Kazakh poet that is the anchor of the sit-in, a boulevard in the centre of Moscow.... Inspired in style by the global Occupy movement, the protest is the clearest sign yet that opposition to Russia's leader refuses to go away* [19]. Налицо произвольное растяжение смысла символического образа, который превращён в орудие политической борьбы против России. Полностью затушёвывается и смысловая подоплёка культурных объектов (Уолл-стрит является олицетворением всей финансовой системы США, Абай Кунанбаев – казахский поэт, философ, композитор, просветитель, мыслитель, общественный деятель, выступавший за сближение с русской и европейской культурой). Столь же активно происходит перенос ценностных ассоциаций символов, сформировавшихся в собственной культуре, на политические события в стране недругов. События на улице Уолл-стрит в Нью-Йорке (в сентябре 2011 г.) стали восприниматься как символ акции гражданского неповиновения (англ. *Occupy Wall Street*) с целью привлечения внимания к преступлениям финансовой элиты и призыва к перестройке в экономике. Автор статей отходит от первоначальных смыслов, актуализируемых данным прецедентом, и внушает коннотации, диктуемые политтехнологическими установками, увязывая пафос митингующих с критикой

политического руководства, состоявшихся выборов в Госдуму и т.д. Неудивительно, что на страницах ряда СМИ использование данного мифа о протестном движении «Захвати ...» преследует цель внушить мысли о его губительных последствиях, приводящих к хаосу, беспорядкам, национальной катастрофе, и, следовательно, миф превращается в символ угрозы стабильности, вызова и неповиновения властям. Дискурсивные практики показывают, что смысловое наполнение данного мифа оказывается настолько аморфным и расплывчатым, что позволяет при желании подводить под него любые идеи под благовидным предлогом, используя события на злобу дня.

Таким образом, в современной идеологической войне слов против «чужих» западная пресса не гнушается использовать любые сценарии информационного противостояния и борьбы с противниками. Лингвокультурные знаки, являющиеся в межкультурном формате общения проводниками в ксенокультуру, представленную чужими фактами, событиями и персоналиями, в пространство ксеносмыслов и ксеноконнотаций, могут превращаться в эффективный инструмент манипулятивного воздействия благодаря немотивированным преобразованиям ксенокультурных смыслов.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 224 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Издательский центр «Академия». 2006. 336 с.
4. *Гумилёв Л.Н.* От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2003. 318 с.
5. *Гусев С.С.* Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб.: Алетейя, 2002. 192 с.
6. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
7. *Сорокин Ю.А.* Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Книга 4. / Сборник статей, посвящённых памяти члена-корреспондента Петербургской АН И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Институт языкознания РАН, 2009. С. 237 – 246.
8. *Степанов Ю.С.* Константы, Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 2004. 992 с.
9. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: учебник. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2008. 624 р.
11. *Толстая Т.Н.* Кысь. М.: Эксмо, 2003. 59 с.
12. *Чанышева З.З.* Средства оформления ложной информации в дискурсе конфликта // Челябинск, VIII-я Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах», 20-22 апреля 2016 г. Челябинск: ЧелГУ. Материалы VIII Международной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». 2016. Том 2. С. 402-406.

Чанышева З.З.

Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 96–105.
doi: 10.17759/langt.2016030309

Chanysheva Z.Z.

Hypostases of THEM category in mass
media communication
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 96–105.
doi: 10.17759/langt.2016030309

13. *Чанышева З.З., Хазиева Р.Р.* Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2015. Т.20. № 3. С. 974 -980.
14. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
15. *Dijk van T.A.* Ideology and Discourse: a Multidisciplinary Introduction. Barcelona. 2003. 118 p.
16. <http://anthropoliteia.net/2014/03/31/little-green-men-russia-ukraine-and-post-soviet-sovereignty>
17. <http://www.bbc.com/news/world-europe-26532154>
18. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-west-biggest-mistake>.
19. <http://www.theguardian.com/world/2012/may/13/russian-protests-march-occupy-abay>

Hypostases of THEM category in mass media communication

Chanysheva Z.Z.,

Doctor of Philology, Professor of the English Language and Intercultural Communication Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University», Ufa, Russia, chanyshevazz@yandex.ru

The article focuses on the reflection of the US/THEM category in mass media communication in conditions of sharp confrontation of ideological opponents. It is aimed at revealing the potential of lingvocultural signs to be used as units of generating desirable senses in leading English periodical issues. The alien culture is shown to possess three basic hypostases with xenocultural axiological semantic space taking the lead. The article proves that intercultural massmedia communication is marked by reciprocal influence of semantic spaces and subjective evaluation of information. Xenoprecedent phenomena are viewed as supporting clamps in the process of semantic transformations of national and cultural signs designed to exert a manipulative effect on the target reader.

Key Words: US/THEM category, lingvocultural signs, nationally specific signs, xenoprecedent phenomena, axiological semantic space, sense transformations

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokulturologiya; tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka: uchebnoye posobie. Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 224 p.
2. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p.
3. Grishayeva L.I., Tsurikova L.V. Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoi kommunikatsii. Moscow: Izdatelskiy tsentr "Akademia", 2006. 336 p.
4. Gumilev L.N. Ot Rusi do Rossii. Moscow: Iris-Press, 2003. 318 p.
5. Gusev S.S. Smysl vozmozhnogo: konnotativnaya semantika. Saint Petersburg: Aleteya, 2002. 192 p.
6. Krasnykh V.V. "Svoy' sredi "chuzhih": mif ili realnost. Moscow: GNOZIS, 2003. 375 p.
7. Sorokin Yu.A. Status fakta (sobytia) i otsenki v tekstah massovoi kommunikatsii //Chelovek v zerkale yazyka. Voprosy teorii i praktiki. Kniga 4. / Sbornik statei, posvyashchennyh pamyati Boduena de Kurtene. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 2009. pp. 237-246.
8. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2004. 992 p.
9. Stefanenko T.G. Etnopsihologiya. Moscow: Aspekt-Press, 2014. 352 p.
10. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya. Moskva: Slovo, 2008. 624 p.
11. Tostaya T.N. Kyss. Moscow: Ekspo, 2003. 59 p.
12. Chanysheva Z.Z. Sredstva oformleniya lozhnoi informatsii v diskurse konflikta//Chelyabinsk, 8 mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsia "Slovo,

Чанышева З.З.

Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 96–105.
doi: 10.17759/langt.2016030309

Chanysheva Z.Z.

Hypostases of THEM category in mass
media communication
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 96–105.
doi: 10.17759/langt.2016030309

vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturilogicheskom aspektah". 20-22 aprelya 2016. pp. 402-406.

13. Chanysheva Z.Z., Khazieva R.R. Diskursivnye praktiki ispolzovaniya agresivnoi lzhi v konfliktogennom diskurse // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. T.20. no.3. pp. 974-980.
14. Shakhovski V.I. Lingvisticheskaya teoriya emotsii" monographiya. Moscow: Gnozis, 2008. 416 p.
15. Dijk van T.A. Ideology and Discourse: a Multidisciplinary Introduction. Barcelona. 2003. 118 p.
16. <http://anthropoliteia.net/2014/03/31/little-green-men-russia-ukraine-and-post-soviet-sovereignty>
17. <http://www.bbc.com/news/world-europe-26532154>
18. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-west-biggest-mistake>.
19. <http://www.theguardian.com/world/2012/may/13/russian-protests-march-occupy-abay>